

М.Л.Чумакова

Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке

В статье рассмотрены векторы политических изменений в странах Латинской Америки на базе предварительных итогов избирательного цикла 2009—2012 гг. Автором предпринята попытка выявить основные факторы, влияющие на состояние и качество демократии, выделить характеристики и типы существующих режимов и лидеров, оценить перспективы с учетом различных вариантов политической эволюции и наметившегося тренда к авторитаризму в ряде стран региона.

Ключевые слова: электоральная демократия, политическая эволюция, режим, авторитаризм, прагматизм, преступность.

Первое десятилетие XXI в. принесло ускорение политических изменений в Латинской Америке. Его начало было отмечено «левым дрейфом», которому посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых. На него возлагались большие надежды в плане перехода к партисипативной демократии и социальной политике, нацеленной на сокращение нищеты в регионе. Итоги электоральных процессов, казалось, подтверждали основной тренд общественного развития в сторону расширения политической демократии. Тем не менее, после 2005 г. обозначилась тенденция к дроблению латиноамериканского политического поля на государства консолидированной демократии, нарождающиеся неокрепшие демократии и гибридные формы, сочетающие элементы неинституционализированных демократий с возрождением авторитарной матрицы. К концу десятилетия политическая панорама стала более рельефной. На фоне последствий мирового экономического кризиса и опыта попыток его преодоления более четко проявились различия между более развитыми и отсталыми государствами, между типами политических систем и лидерства.

Марина Львовна Чумакова — доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований ИЛА РАН (Mchumakova@mail.ru)

ПОВОРОТ К ПРАГМАТИЗМУ

Кризис стал катализатором сдвигов в общественных настроениях. Он же ускорил корректировку государственной политики и привел к обновлению избирательных платформ ведущих партий и коалиций. К началу второго десятилетия идеологические расхождения между государственными деятелями отошли на второй план, а прагматические соображения стали определяющими в политике большинства стран региона. Итоги избирательных процессов 2009—2011 гг. выявили ряд новых закономерностей, характерных для современного этапа общественного развития. Стало очевидным, что движение латиноамериканских государств по многополосной трассе политической модернизации остается крайне неравномерным. Страны консолидированной демократии, как и прежде, демонстрируют явные преимущества в проведении социальной и экономической политики, опережают остальные государства в обеспечении гражданских прав и свобод. Таких флагманов немного, и их достижения широко известны. Чили, Уругвай, Бразилия, Коста-Рика заметно продвинулись по пути институционализации политических систем, разделения властей, соблюдения гражданских и политических свобод, обеспечения динамической стабильности при предсказуемости действий правящей элиты и прозрачности избирательных процедур.

На «передовиков» ориентируются государства с переходными режимами. Для них характерны соблюдение правил электоральной демократии, заверения в приверженности идеалам социального и правового государства, они ориентированы на укрепление гражданского общества, но в силу разных причин (культурно-исторических, этносоциальных, демографических и политических) им до сих пор не удается создать прочные демократические институты, провести эффективные реформы и сократить зияющий разрыв между властью и обществом.

В ряде государств слабые партийно-политические структуры в сочетании с волатильностью электората тормозят политические изменения и препятствуют конструктивному взаимодействию власти с оппозицией. Для этой группы, куда входят Мексика, Перу, Доминиканская Республика и Сальвадор, характерен низкий уровень доверия к партиям. Наблюдается также значительный разброс между настроениями электората и программами кандидатов на высшие государственные посты. Дополнительную сложность политическим процессам придает деятельность оппозиции и протестных движений, которая расшатывает и без того зыбкие устои нарождающихся демократий. К этой же группе по ряду параметров примыкает пестрый в идейно-политическом плане конгломерат государств — имитаторов политической модернизации: Венесуэлы, Никарагуа, Аргентины, Парагвая. В этих странах ориентация обездоленных слоев населения на персоналистских лидеров — «спасителей отечества» и «защитников бедноты» постоянно подкрепляется массовой пропагандой реальных или мнимых достижений правящего блока, аппарат которого сращивается с государством. Популистский характер таких режимов не спасает их от со-

кращения массовой поддержки и ухода в оппозицию бывших сторонников и активных участников движений, обеспечивших приход к власти лидеров авторитарного типа. В изменившихся условиях срабатывают такие безотказные рычаги, как использование административного ресурса, проще говоря, резервов государственной казны для удержания и продления власти. Использование этих рычагов происходит под аккомпанемент правительственной пропаганды, клятв в преданности революции, наследию героя Войны за независимость в Латинской Америке Симона Боливара, лидера либеральной революции в Эквадоре (1895—1924) Элоя Альфаро или никарагуанского революционера Аугусто Сандино.

В том же направлении работает подконтрольный главе государства аппарат избирательных комиссий, заблаговременно отсекающий неугодных кандидатов и дающий пропуск во властные структуры лояльным власти лицам. Президент руководит строительством правящей партии, реализующей его установки в условиях постоянной конфронтации с оппозицией. Социальная база подобных режимов обеспечивается политикой перераспределения доходов в пользу беднейших слоев, что подкрепляет готовность последних к участию в массовых мобилизациях по призыву лидера нации, но одновременно приводит к социальному растрепанию и консервации отсталости. Любые проявления недовольства и выступления оппозиции сопровождаются ограничениями гражданских свобод. Вектор, заданный правительствами Боливарианского альянса для Америк (*Alianza Bolivariana para las Américas, ALBA*), вопреки заверениям его лидеров в том, что они строят эгалитарное общество и развивают партисипативную демократию, в действительности направлен на архаизацию политических систем и означает возрождение и насаждение привычных образцов каудильизма, легко трансформирующегося в неавторитаризм.

В 2009 г. минуло 30 лет с того момента, когда третья волна демократизации докатилась до Латинской Америки. За этот период в регионе закрепились нормы электоральной демократии и утвердились конституционные режимы; заметные перемены к лучшему произошли в области соблюдения прав человека и расширения гражданских свобод. Все это давало основания для умеренного оптимизма относительно перспектив демократии на континенте.

Вместе с тем сохранение существенных изъянов в функционировании демократий, чьи пестрые в идейно-политическом плане характеристики, как и методы государственной политики разнятся от страны к стране, говорит о том, что политическая демократия все еще не стала реальностью для населения проблемных государств, более подверженных авторитаризму. Сам факт активного присутствия на политической сцене радикал-популистских режимов заставляет усомниться в верности утверждения, что в ходе избирательных процессов 2009—2011 гг. произошел сдвиг политического маятника к центру. Скорее речь идет о многообразии форм политического доминирования и возросшем влиянии партий правой ориентации в турбулентном центральноамериканском субрегионе.

Сегодня Латинская Америка являет миру калейдоскоп политических режимов, лишь малая часть которых может быть отнесена к подлинно демократиче-

ским. Чем же обусловлена такая пестрота политического поля? Во-первых, несмотря на общий тренд к политической демократии и становлению основ правового государства, возникали и возникают попятные тенденции к укреплению персоналистской власти, что обусловлено инерцией традиционализма, всплесками популизма и гетерогенностью латиноамериканского общества, раздробленного по социальным, экономическим и культурным признакам. Во-вторых, годы, прошедшие с начала XXI в., подтвердили неготовность ряда переходных режимов к глубоким демократическим преобразованиям и построению социального правового государства. В-третьих, возрождение авторитаризма в контексте электоральной демократии сопряжено с появлением плеяды популистских лидеров, приверженных ценностям прямой демократии, предлагающих обществу утопические проекты и широко практикующих социальную демагогию в целях обеспечения высокого уровня поддержки их курса.

В последние годы в связи с мировым экономическим кризисом эйфория, вызванная левым дрейфом, рассеялась, уступив место более трезвой оценке достижений правительств, принадлежащих к разным оттенкам политического спектра. Следствием этого стало выдвижение на первый план лидеров-прагматиков, которые перехватили инициативу у идеологизированных популистов, чей курс в социально-экономической области все больше подвергается критике из-за его неэффективности. Соответственно меняются и политические предпочтения избирателей. Несмотря на то, что, по данным исследования общественного мнения «Latinobarómetro», свыше половины латиноамериканцев высказываются в поддержку демократического правления, распространяется разочарование в демократии как системе, не способной в обозримые сроки решить проблемы бедности, безработицы, крайнего социального неравенства и общественной безопасности. В этой связи возникает ряд вопросов, касающихся не только особенностей функционирования демократии, но и ее характера — по преимуществу имитационного или основанного на эффективном взаимодействии политического класса и гражданского общества. Не менее важна и проблема качества демократии, если учесть зафиксированное социологическими опросами падение доверия к политическим партиям и парламентам. Об этом же говорят итоги избирательных процессов последних лет. В странах с развитыми политическими системами выборы проводятся в конкурентной среде, само соревнование между кандидатами выявляет масштабы электоральной поддержки основных партий.

Иная ситуация характерна для государств со слабыми, неоформившимися партийно-политическими структурами. Именно здесь наблюдается широкий простор для появления новых националистических партий и движений, призывающих к кардинальным переменам общественного и государственного устройства и выступающих под знаменами антиглобализма и антиимпериализма. Идеи возрождения индейской самобытности, отстаивания прав маргинальных слоев общества и перераспределения национальных богатств в пользу неимущих артикулируются набравшими силу этносоциальными и протестными движениями. Потенциал такого рода движений учитывается и сполна используется популистскими лидерами, особенно в пору их восхождения к вершинам власти.

Общим же для латиноамериканских стран остается набор социальных и экономических проблем, требующих безотлагательного решения. Сегодня на первый план, как свидетельствуют данные социологических исследований, вышли проблемы преступности и общественной безопасности. Они потеснили безработицу, бедность и экономическую ситуацию. Это вызвано благоприятной для латиноамериканского экспорта конъюнктурой мирового рынка, некоторыми успехами в борьбе с бедностью и созданием новых рабочих мест.

Многие эксперты отмечают взаимосвязь социального неравенства, обрекающего значительные сегменты общества на исключенность из процессов общественного развития, с политической нестабильностью. Признаки дестабилизации особенно ощутимы в странах, где социальные контрасты нестерпимы, а энергия социума направляется на акции протеста против непопулярных мер властей, входящих в противоречие с интересами населения. Лишь в немногих государствах попытки изменить нестерпимую для бедноты ситуацию посредством адресной помощи были успешными и привели к сокращению нищеты и понижению уровня бедности. Благодаря правительственным программам части бедняков удалось войти в нижние ряды среднего класса в Бразилии, но опыт этой страны, как и достижения Чили, Уругвая, Мексики и Коста-Рики, — все еще исключение из общего для региона правила: крайнее социальное неравенство — это константа, которая определяет недовольство царящей несправедливостью и питает протестную или криминальную активность.

О возросших масштабах преступности говорит трагическая статистика убийств, совершаемых как в развитых, так и в наиболее отсталых странах региона. При этом кривая роста преступности коррелирует с количеством наркокартелей и находящихся у них на службе незаконных вооруженных формирований. Отсутствие или нехватка образования у подрастающего поколения из бедных слоев лишает молодежь легальных источников заработка. В результате она становится резервуаром новобранцев для организованной преступности. Таким образом, сам экспоненциальный рост преступности — организованной, уличной и ювенальной — представляет результат крайнего социального неравенства, царящего в регионе. Низы общества становятся тем фундаментом, на котором возводится здание авторитаризма — по дизайну национал-радикалов и популистов.

Касаясь вероятных политических последствий этого феномена, эквадорский экономист Альберто Акоста, недавний сподвижник президента Рафаэля Корреа, поставил социальное неравенство в ряд «проклятий, угрожающих демократии»¹. Он указывал на взаимосвязь распространения бедности с наличием в стране богатых природных ресурсов. В качестве одной из причин сохранения социального неравенства исследователь выделяет концентрацию в руках немногих лиц доходов от углеводородов или продукции горнодобывающих отраслей, что является эндогенным патологическим явлением. Другой взгляд на последствия зависимости страны от сырьевой специализации предложил венесуэльский историк и антрополог Фернандо Корониль. На основе изучения опыта Венесуэлы он выдвинул концепт «магического государства», способного распространять «культуру чуда» путем финансирования неф-

тедолларами различных социальных проектов². Зависимость от сырья, известная как «парадокс изобилия» или «проклятие природных ресурсов», интерпретировалась рядом исследователей как «тропический фатализм», довлеющий над странами экваториальной зоны. По сути дела, это новые вариации на старую тему географического детерминизма. Для нас же важно проследить, как преимущественно сырьевая структура экономики, контролируемой государством, влияет на политическую сферу.

Опыт более успешных и развитых государств убедительно свидетельствует, что диверсификация экономики и ее переход на более высокие технологии, с упором на информационные, при сохранении регулирующей функции государства дает больше простора для частной инициативы и создает предпосылки для позитивного взаимодействия участников политического процесса в условиях честной конкуренции и свободных от вмешательства исполнительной власти выборов. В этой группе стран для правительств характерны постоянные поиски общественного консенсуса, спорные вопросы решаются в режиме диалога, а репрессивная функция государства сведена к минимуму.

Иная ситуация характерна для наиболее отсталых стран региона, где ось политической жизни, начертанная в коридорах исполнительной власти, замерла, обрекая на неподвижность политические элиты и общество. Формально демократические, эти режимы не имеют налаженных каналов взаимодействия властей всех уровней с обществом, которое пребывает в состоянии апатии или латентного конфликта с правительством. Любые социально-политические или межэтнические противоречия разрешаются с опозданием и преимущественно силовыми методами, так как обратная связь между управляющими и управляемыми отсутствует. Ее заменяют старые образчики клиентелистских отношений и упования на спасительную миссию государства.

Другую модель представляют страны ALBA, декларирующие курс на «социализм XXI века», но, в сущности, повторяющие порочный путь государственного капитализма с вкраплениями некоторых новаций вроде социальных миссий в Венесуэле, проправительственных индейских маршей в Боливии, массовых манифестаций в поддержку «гражданской революции» в Эквадоре. Примкнувшая к ALBA Никарагуа несколько выбивается из этого ряда. Не имея значительных сырьевых ресурсов, страна специализируется на выбивании помощи от доноров, среди которых ведущим является Каракас. В плане политических практик сандинисты, растратившие революционное наследие, используют старые методы чрезмерной централизации власти и прибегают к массовым мобилизациям своих сторонников для пресечения выступлений оппозиции, недовольной сокращением гражданских свобод, негласным союзом правящего Сандинистского фронта национального освобождения (Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN) с Конституционалистской либеральной партией (Partido Liberal Constitucionalista, PLC) и тесным сотрудничеством президента Даниэля Ортеги с его венесуэльским коллегой Уго Чавесом.

Между указанными группами стран размещаются остальные государства Центральной Америки и Доминиканская Республика, пытающиеся, несмотря на скудость сырьевых ресурсов, корректировать социальную политику и стремя-

щиеся вписаться в контуры глобализирующегося мира посредством диверсификации внешних связей. Примечательно, что в этой группе стран преобладают лидеры-прагматики, не склонные к поддержке утопических проектов, но пытающиеся найти новые формы взаимодействия с более крупными государствами и региональными державами. При этом они сохраняют разносторонние отношения с США, где работают миллионы центральноамериканцев, высылающих родственникам на родину денежные переводы, которые служат не только финансовым подспорьем, но и выполняют функцию социального стабилизатора, спасающего от крайней бедности сотни тысяч семей.

Развертывающаяся сегодня в политических и академических кругах дискуссия о состоянии и перспективах латиноамериканских демократий сфокусирована на противоречивых итогах последнего избирательного цикла и поиске причин хрупкости политической демократии в большинстве стран континента. Некоторые исследователи обращают внимание на слабость ее институциональной базы. Известный аргентинский политолог Даниэль Соватто считает, что эта проблема требует безотлагательного решения³. О слабости демократических институтов пишет и эквадорский ученый Альберто Акоста, подчеркивающий, что она идет рука об руку с коррупцией и клиентелистской практикой, тормозящей развитие гражданского общества⁴. В большинстве стран региона «демократия не гарантирована», — резюмирует американская исследовательница, кубинка по происхождению Марифели Перес-Стабле, а, следовательно, элиты «не должны почивать на лаврах», так как им многое предстоит сделать для консолидации демократии⁵.

Со слабостью институтов, низким качеством элит и практикой клиентелизма связана и неэффективность управления, которая ведет к воспроизводству социального неравенства, росту конфликтности и недоверию к властям. В тех странах, где демократия консолидировалась или находится в процессе консолидации (Уругвай, Чили, Коста-Рика, Бразилия, Доминиканская Республика, Колумбия), доверие к властям всех уровней неизмеримо выше, чем в странах с радикал-популистскими режимами с их непредсказуемой политической траекторией от левого национал-популизма к милитаризации и селективным внешнеполитическим связям с близкими по духу авторитарными режимами — от Ирана и Ливии до Белоруссии.

Промежуточное положение занимают государства, управляемые реформистскими или умеренно консервативными правительствами (Сальвадор, Гватемала, Перу), политика которых в сфере госуправления куда более эффективна, чем у левых национал-популистов. Политическому классу этих стран присущи нескончаемые споры о границах рынка, роли государства и вездесущей коррупции. Межэлитные противоречия, коррупционные скандалы, конфликты интересов, возникающие между разными кланами экономической и политической элиты, стремящимися к доминированию, пронизывают ткань политической жизни и отражаются на настроениях электората. Картина усложняется по мере того, как дефекты управления сказываются на интересах большинства населения, недовольного отсутствием реальных возможностей улучшить материальное положение, испытывающего

постоянный страх из-за ухудшения состояния общественной безопасности и разгула преступности. Чем слабее институты и демократическая управляемость, тем выше риски авторитарных тенденций, которые наблюдаются не только в государствах боливариийской ориентации, но и распространяются на более благополучные страны в результате криминализации государства и общества, ускоренной развитием наркобизнеса и коррупции.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

На направления политической эволюции в контексте общей тенденции к персонализации власти, разумеется, влияют качества лидеров, определяющих цели и методы действующих режимов. В первые годы правления популистские лидеры стремятся демонстрировать верность предвыборным обещаниям и параллельно направляют усилия на упрочение режима собственной власти, вне зависимости от ранее начертанных ими целей революции — «боливариийской», «индихенистской» или «гражданской».

С различиями в типах лидерства связан и существенный разрыв в оценках политики правительств и функционирования демократии. Среди глав государств можно выделить два основных типа: конструктивный и деструктивный. Для первого, вне зависимости от идейно-политических предпочтений, характерны способность к диалогу с оппонентами и соблюдение норм закона. Таких лидеров отличают стремление к национальному согласию и линия на сотрудничество с оппозицией. Грамотная макроэкономическая политика, курс на диверсификацию экономики и облагораживание структуры экспорта стали результатом позитивного взаимодействия экономических и политических элит с различными общественными организациями. К этому типу относятся президенты Бразилии и Колумбии Дилма Руссефф (2011 — по н/в) и Хуан Мануэль Сантос (2010 — по н/в), Мексики и Доминиканской Республики Фелипе Кальдерон (2006 — по н/в) и Леонель Фернандес (1996—2000, 2004 — по н/в), президенты Уругвая и Сальвадора Хосе Альберто Мухика (2010 — по н/в) и Маурисио Фунес (2009 — по н/в), чилийские экс-президенты от Объединения партий за демократию (*Concertación de los Partidos por la Democracia, Concertación*) и бывший бразильский лидер Луис Инасио Лула да Силва (2003—2011). Их политический курс предсказуем, в нем отсутствуют резкие повороты и популистские эскапады. Для них характерна высокая степень ответственности за принятые решения и их претворение в жизнь.

Другой тип характеризуется конфронтационностью и по сути является деструктивным. Для его представителей, несмотря на широковещательные декларации о новаторстве, характерен отказ от поиска национального согласия в пользу доминирования правящей партии или коалиции, что ведет к непрекращающемуся поиску внутренних и внешних врагов, на которых обычно возлагается вина за провалы правительственного курса. Параллельно, во имя упрочения режима личной власти, перекраиваются конституция и избирательное законодательство, что декорируется революционаристской фразеологией и ссылками на необходимость коренного обновле-

ния государства и общества. Пренебрежение к общепринятым демократическим процедурам становится нормой, отвечающей требованиям прямой или партисипативной, а на деле — плебисцитарной демократии, если учесть привычку таких лидеров подкреплять свою легитимность частыми референдумами. Однако от частого употребления этот инструмент поддержания политического господства приходит в негодность и внушает населению все большее недоверие. Характерно, что Конфедерация индейских народностей Эквадора (Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador, CONAIE) — крупнейшая этническая организация страны — квалифицировала инициированный в мае 2011 г. президентом Р.Корреа референдум как очередную манипуляцию власти общественным мнением и подтверждение утраты ее легитимности⁶.

Сверхзадачей лидеров рассматриваемого нами типа становится удержание и продление режима личной власти с опорой на силовые структуры, активистов правящей партии, чья лояльность режиму вознаграждается назначениями на доходные посты в органах управления всех уровней. В итоге формируется новый слой бюрократии, генетически связанной с режимом, который репродуцирует старые образцы централизованной власти, но с большей дозой революционаристской риторики. В сущности национал-популистские режимы, не многим отличаясь от каудильистских, легко трансформируются в авторитарные, что не мешает их лидерам позиционироваться в качестве защитников народных интересов и поборников социальной справедливости.

Прикрытием тех привилегий, которыми беззастенчиво пользуются родственники и приближенные таких лидеров, служит перераспределение ресурсной ренты в пользу беднейших слоев, но прогрессистские слоганы и декларируемая ориентация на интересы народных слоев теперь уже не в состоянии скрыть ни авторитарные поползновения, ни противоправные действия каудильо XXI в., ни масштабы коррупции и казнокрадства, ни провалы экономической политики. К этому типу принадлежат радикал-популисты и неосоциалисты боливариюского блока ALBA.

Между двумя рассмотренными типами расположена группа лидеров, в которых в разных пропорциях сочетаются конструктивные и деструктивные свойства. Эти смешанные типы, не имеющие стойких идеологических характеристик, получили распространение как в крупных странах (Аргентина), так и в отсталых малых государствах (Парагвай, Гондурас до смещения экс-президента Мануэля Селайи (2006—2009), где им удавалось прийти к власти в обстановке всеобщего разочарования, вызванного последствиями экономических потрясений, или на волне протестных настроений. Их прагматизм сочетается с политической всеядностью и явной неразборчивостью в выборе союзников. И, наконец, особняком стоят главы карибских государств, которые в силу исторических традиций и британского наследия в виде парламентских республик склонны больше соблюдать нормы политической демократии, чем их латиноамериканские коллеги.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Что же общего между разными типами политического лидерства и особенностями политической эволюции переходных обществ? Именно в «серой зоне», где не завершен переход к демократии, наиболее распространены упования на патерналистское и клиентелистское государство, что является следствием трех факторов: слабости демократической традиции, неформившейся партийно-политической структуры и неразвитости гражданского общества.

В Южной Америке к этой группе относится часть андских стран, для которых характерна хроническая социально-политическая неустойчивость. Прежде всего, это недавние чемпионы по нестабильности Боливия и Эквадор, а также Перу, проводшая 90-е годы под знаком авторитаризма экс-президента Альберто Фухимори (1990—2000), чья конструктивная позиция по вопросам экономической модернизации дополнялась линией силовиков на подавление леворадикального партизанского движения «Сендеро Луминосо». Планомерное выдавливание оппозиции на обочину политической жизни и масштабные нарушения прав человека, не говоря уже о причастности ближайшего окружения президента к транснациональному наркобизнесу и контрабанде оружия, составляли деструктивные элементы режима Фухимори. Опыт современного Перу убедительно показывает, что условия электоральной демократии в поляризованном и гетерогенном обществе, зараженном непримиримостью и бациллами крайнего радикализма, приводят к неожиданным результатам. Неприятие действующей власти, как показали президентские выборы 2011 г., выталкивает на авансцену политики деятелей с сомнительным политическим прошлым и неясной программой или адептов возвращения к эпохе Фухимори, оставляя за бортом более ответственных политиков, имеющих опыт государственного управления.

В Месоамерике наблюдается пестрая мозаика поставторитарных моделей Гватемалы, Сальвадора, Гондураса и Панамы, полуавторитарной Никарагуа и консолидированной демократии в Коста-Рике. На эволюцию этих моделей наряду с прочими факторами также влияют типы политических лидеров. Если для Сальвадора, Коста-Рики и в меньшей степени для Гватемалы характерны конструктивные типы, то для Никарагуа характерна деструктивность, присущая семейному тандему Ортега — Мурильо, сделавшему ставку на имитацию развития и приватизацию государства под покровом клятв в верности Богу и народу. Изменения в риторике лидера сандинистов-ортодоксов призваны скрыть бесконтрольное использование правящей семьей фондов, поступающих из Венесуэлы, закамуфлировать курс на демонтаж государства посредством прекращения финансирования полиции, разрушения судебной системы путем ее полного подчинения президентской администрации. Та же судьба постигла и контрольные органы⁷. Намерение Д.Ортеги продлить свое правление, невзирая на то, что Конституция запрещает непосредственное переизбрание главы государства, осуществилось на выборах 6 ноября 2011 г., вернувших страну к избирательным фарсам времен диктатуры Анастасио Сомосы (1967—1972, 1974—1979). В отличие от ситуации в Никарагуа, в Гватемале — крупнейшей стране субрегиона — избирательная кампания и выборы 11 сентября и 6 ноября 2011 г.

прошли без нарушений законности. Что же касается победы на них правого отставного генерала Отто Переса Молины — лидера Патриотической партии (Partido Patriota, PP), то она была предсказуемой, так как его предвыборная кампания была сфокусирована на задачах борьбы с преступностью и восстановления общественной безопасности.

Среди вариантов переходных режимов следует выделить тип семейного правления, зачинателем которого стал экс-президент Аргентины Нестор Киршнер (2003—2007), чье дело продолжила, став президентом, его супруга Кристина де Фернандес (2007—2011, 2011— по н/в). Примеру аргентинской четы следует и Д.Ортега, предоставивший важные полномочия своей супруге. Такой опыт оказался востребован и в Гватемале, где левый президент Альваро Колом (2008—2012) ради преемственности своего курса пошел навстречу властным амбициям своей жены. Так как Конституция запрещает выдвижение на пост главы государства близких родственников, был спешно оформлен развод, повредивший репутации Колома. Семейные тандемы, пожалуй, являют собой новое явление в политической практике, если забыть о семейных династиях диктаторов XX в.

Как видим, современная политическая панорама региона представляет конгломерат политических систем, режимов, типов лидеров, определяющих векторы общественной эволюции в условиях электоральной демократии. Что же касается действующих режимов, то латиноамериканские ученые и эксперты по-разному оценивают их достижения. Мексиканский социолог Рубен Агилар отметил, что, хотя власть обретается в результате демократических процессов, нередко государственные деятели действуют, нарушая принципы демократии, и пришел к выводу, что в Латинской Америке пробивает дорогу «новая авторитарная модель»⁸. Ему вторит генеральный секретарь Организации американских государств (ОАГ) Хосе Мигель Инсульса, который констатировал, что ряд правительств, пришедших к власти демократическим путем, затем действуют, нарушая демократические принципы⁹. По его мнению, главная задача состоит в том, чтобы управлять демократическими методами. Более оптимистично на состояние демократии смотрит уже упоминавшийся Д.Соватто. Он заостряет внимание на слабости институциональной базы и считает, что сейчас настало время говорить о качестве демократии¹⁰. Но уместно ли говорить о качестве демократии в условиях множатых признаков усиления авторитаризма и деградации социальной сферы, учитывая, что треть латиноамериканцев живут за чертой бедности?

Несмотря на то, что по данным ООН с 2002 по 2008 г. уровень бедности в среднем по региону снизился с 44 до 33%, а нищеты — с 19 до 13%¹¹, в отсталых сельских департаментах и провинциях с преимущественно индейским населением уровень бедности превышает 70–80%. Для поддержания устойчивости политической системы в странах с наибольшим разрывом в доходах верхних и нижних слоев власти прибегают к силовому подавлению протестных акций (Перу, Эквадор). Следствиями подобной тактики становятся падение популярности действующих президентов и появление новых лидеров низовых общественных организаций и движений, ориентирующихся на опыт Бразилии или Венесуэлы.

Слабость институциональной базы демократий не компенсируется клиентелистской практикой и протекционизмом — они лишь усугубляют неэффективность государственного управления, которая подстегивается коррупцией. Д.Соватто выделяет новый феномен политической практики — перевороты, инициированные государством. О новизне этого явления можно спорить, учитывая, что в 90-е годы прошлого века президенты Гватемалы и Перу совершили так называемые «автоперевороты». В нынешнем веке пока единственное исключение представляет Гондурас, где решение об отстранении М.Селайи от власти, принятое законодательной и судебной ветвями власти, было поддержано военным командованием, осуществившим высылку смещенного президента из страны.

Общим же правилом для стран континента является смена или преемственность власти в результате электоральных процессов, характеризующихся острой борьбой между представителями правящей партии и системной оппозицией. К новым явлениям в политической практике скорее можно отнести усиление общественных движений, все громче заявляющих о своем недовольстве политикой государства и требующих проведения социально ориентированного курса. В итоге застарелые социальные недуги обостряются из-за неэффективного управления, вызывая серию проблем, напрямую затрагивающих общественную и национальную безопасность. Чем слабее демократическая управляемость, тем выше риски авторитарных методов управления, которые наблюдаются как в странах ALBA, так и в ранее стабильных государствах.

КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — УГРОЗА ДЕМОКРАТИИ

Дефекты управления сказываются в первую очередь на положении бедных слоев, недовольных отсутствием возможностей улучшить свое материальное положение и больше всех страдающих из-за ухудшения состояния общественной безопасности и разгула преступности. В такой атмосфере и выросло нынешнее молодое поколение. Многие из его представителей не работают, не учатся и вступают в преступные сообщества. Невиданные ранее масштабы насилия и ювенальной преступности, конгломераты наркомафий, чьи сети в ряде стран взаимодействуют с госструктурами, являются пока непреодолимыми препятствиями, с которыми сталкиваются почти все государства региона, вне зависимости от стиля политического руководства.

Наиболее ярко указанные негативные тенденции проявились в Мesoамерике. Тот факт, что Мексика — одна из крупнейших и самых развитых стран Латинской Америки, управляемая правой партией (Partido de Acción Nacional, PAN), — оказалась под неослабным прессингом организованной преступности, говорит сам за себя. Слабость правительства, проявленная при подавлении активности наркокартелей, и эксцессы современной нарковойны неопровержимо свидетельствуют о недостаточности усилий государственных ведомств и пассивной роли гражданского общества, не способных противостоять эпидемии насилия, охватившей ряд штатов, где орудуют картели. Приобщение

армии к контрнаркотическим операциям также пока не дало ожидаемого эффекта, но привело к росту насилия.

Нарковойна оказывает воздействие на процесс демократических перемен, который характеризуется бурной и противоречивой динамикой. Политические лидеры конструктивного типа, будь то экс-президент Мексики Висенте Фокс (2000—2006) или нынешний глава государства Ф.Кальдерон, сталкиваются не только с сопротивлением и возрастающим влиянием номенклатуры центристской популистской Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI), мечтающей вернуться к власти, утерянной ею после семи десятилетий безраздельного правления, но и с невиданным ранее натиском мексиканских наркокартелей, значительно окрепших после разгрома их колумбийских аналогов. Из-за размаха организованной и уличной преступности на первый план в общественном сознании выдвинулась проблема насилия. В связи с этим политики и эксперты анализируют причины неспособности нынешнего государства обуздать деятельность преступных сообществ и положить конец вакханалии насилия. По оценкам одних мексиканских экспертов именно критическое состояние общественной безопасности приводит к сокращению ВВП на 1,2%. Другие исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что в Мексике все еще не проведены необходимые структурные реформы, а это уже вопрос ответственности и компетенции власти. Третьи делают акцент на технической оснащенности наркокартелей, позволяющей им осуществлять экспансию и за пределы национальной территории¹².

Тревожным симптомом деградации государства является не только давняя причастность агентов федеральных и региональных полицейских ведомств к операциям наркомафии. В последние годы не избежали искушения легкой наживой и офицеры, вышедшие в отставку или дезертировавшие из армии. Сначала они приобщились к деятельности «картеля Залива», а затем вышли из него и организовали наркокартель «Los Zetas», отличающийся особой жестокостью и агрессивностью. Несмотря на то, что в Мексике сложилась трехпартийная политическая система, существуют разделение властей и жизнеспособные институты, действующие в контакте с гражданским обществом, государство пока не в состоянии справиться с наркомафией, проникшей во все сферы жизни общества и распространившей свое влияние и на сопредельные страны, прежде всего, Гватемалу. Так что, на наш взгляд, дело не столько в укреплении демократических институтов, сколько в их защите от проникновения агентов разросшейся сети наркокартелей. Не менее важной задачей является изменение обыденного сознания мексиканцев, до недавнего времени считавших крайне доходный наркобизнес вполне приемлемым занятием.

Задачи борьбы с наркотрафиком и другими проявлениями оргпреступности тесно связаны с защитой демократии, особенно в тех странах, которые отстают в области социальных и политических преобразований из-за безответственного руководства или в силу нехватки ресурсов. Проблема преступности весьма остро стоит в Центральной Америке: там насчитывается около 900 банд, в которые

входят до 70 тыс. человек. Поэтому в правительственных кругах стран субрегиона выкристаллизовалась идея совместных действий по обузданию преступности. В апреле 2011 г. в Панаме был открыт оперативный центр региональной безопасности государств Системы центральноамериканской интеграции (Sistema de Integración Centroamericana, SICA)¹³, а уже через месяц на встрече представителей министерств и ведомств, курирующих вопросы безопасности, в г. Сан-Сальвадоре была достигнута договоренность о новой стратегии борьбы с наркобизнесом, уличной и уголовной преступностью¹⁴. От успеха этой стратегии будут во многом зависеть и судьбы демократии в субрегионе.

Политических и общественных деятелей Центральной Америки, испытавшей на себе последствия мирового экономического кризиса 2008—2009 гг., естественно, волнуют проблемы социально-экономического развития и судьбы демократических режимов. В мае 2011 г. в г. Сан-Хосе под девизом «Демократия ради мира, безопасности и развития» прошел диалог участниц SICA и Мексики. Он был организован правительством Коста-Рики и рядом международных исследовательских центров. И хотя в ходе диалога отмечалось, что за последние 20 лет условия жизни центральноамериканцев улучшились, многие выступавшие подчеркнули, что демократии в субрегионе угрожают бедность, насилие, наркотрафик, отмывание денег и безработица. В ходе дискуссий говорилось также, что, несмотря на наличие формально демократических правительств, почти все они далеки от идеала демократии. Как и прежде, происходят нарушения в ходе избирательных процессов, продолжаются преследования политических активистов, процветает коррупция и практикуется политический подкуп, нарушаются права человека, ограничивается свобода СМИ.

На II форуме в Санто-Доминго (май 2011 г.) некоторые из его участников подчеркивали, что сами электоральные процессы отнюдь не гарантируют ни большей социальной сплоченности, ни улучшения в сфере общественной безопасности. При этом большое значение придавалось особенностям поведения лидеров, часть которых использует референдумы и различные формулы бонапартистского стиля для укрепления собственных позиций. По мнению испанского политолога Карлоса Маламуда, демократии часто приписывают качества, которыми она не обладает. Дело же в «активности общества, которая и побуждает демократию к действиям»¹⁵. Сходные мысли высказал и Д.Соватто, указавший на связь развития демократии со строительством гражданского общества и призвавший к переходу от «электоральной демократии к демократии граждан»¹⁶, отвечающей требованиям, которые ей предъявляют изменившиеся общества.

В представленном на форуме докладе чилийского социолога Марты Лагос «Центральная Америка и ее демократии» содержались данные, свидетельствующие о том, что, несмотря на поддержку демократии (59%), жители субрегиона считают нынешнее распределение национальных богатств менее справедливым, чем в 1997 г. За 13 лет с 68 до 60 снизился процент латиноамериканцев, считающих легитимными парламенты, и с 67 до 61 — партии. Хотя в субрегионе наблюдаются признаки, свидетельствующие об укреплении демократии, параллельно доверие к институтам власти падает. Широким доверием центральноамериканцев пользуется лишь церковь. В

докладе говорится о падении интереса жителей Центральной Америки к политике: если в 1997 г. ею интересовались 38% опрошенных, то в 2010 г. — лишь 23%. Впрочем, это общая тенденция, характерная для Латинской Америки, где доля граждан, которых волнует политика, не превышает 26%¹⁷. Чем это объяснить? Только ли экономическими и социальными причинами, или эта тенденция вызвана глубинными переменами в общественном сознании, связанными с незащищенностью людей перед лицом торжествующей преступности? Ведь в обыденной жизни население региона сталкивается с ней повседневно.

Актуальной проблематике стран Центральной Америки посвящен доклад Всемирного банка «Преступность и насилие: вызов развитию»¹⁸. Документ содержит шокирующие данные о масштабах тяжких преступлений. Так, в Сальвадоре, Гватемале и Гондурасе совершается одно убийство на 1 тыс. жителей, что в немалой степени явилось результатом активности наркобизнеса и других форм организованной преступности, с которыми слабое или деградирующее государство не в силах совладать. Заметим, что через центральноамериканский коридор идет до 90% кокаина, поступающего в США. Множащиеся признаки криминализации государства и общества не позволяют оптимистически оценивать состояние латиноамериканской демократии.

НЕЯСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективы демократического развития региона будут зависеть от того, удастся ли нынешнему поколению лидеров найти адекватные ответы на вызовы, связанные с финансово-экономическим кризисом, поразившим США и Европейский союз, обеспечить социальную направленность государственной политики и справиться с наркобизнесом — этой чумой XXI в. На дальнейший ход политической эволюции, наряду с социальным неравенством, слабостью демократических институтов и неэффективностью управления, влияют такие эндемические проблемы, как наркопроизводство и наркотрафик, обостряющие этносоциальные и политические противоречия, которые в периоды избирательных кампаний проецируются на настроения и политические предпочтения различных групп электората.

В качестве долговременного фактора, воздействующего на ход политических процессов, следует выделить сохранение социального неравенства, которое определяет настроения и поведение избирателей. В минувшем году среди латиноамериканцев наблюдался рост пессимистических настроений, вызванных последствиями экономического кризиса и отсутствием защищенности от криминала. Это показывают данные доклада «Latinobarómetro» за 2011 г. Показатели движения стран по пути прогресса упали с 38% в 2010 г. до 35%. Уровень поддержки демократии также снизился по Латинской Америке с 61 до 58%, а в Центральной Америке — с 59 до 53%. Кроме того, сократилась доля латиноамериканцев, довольных демократией: в Центральной Америке с 43 до 36%, а в среднем по региону — с 44 до 39%¹⁹.

Серьезные сомнения в жизнеспособности политической демократии на фоне дрейфа к авторитарной модели вызывает политика лидеров стран

ALBA, прибегающих к перекройке законодательства и изменениям несущих конструкций государства путем расширения прерогатив исполнительной власти, издания декретов в обход парламентов, подчинения судебных и контрольных инстанций непосредственно президенту и создания структур, ему подконтрольных. В ситуации переходности гетерогенное общество не успевает адаптироваться к происходящим изменениям — отсюда и мечты о стабильности, и тяга к сильным лидерам — «отцам нации», обещающим установление социальной справедливости.

Оценивая дальнейшие перспективы политической эволюции, можно с уверенностью утверждать, что в обозримом будущем сохранятся существенные различия между странами как в плане избранных ими моделей развития, так и типов политических лидеров. Что же касается будущего демократии на континенте, то оно не представляется безоблачным на фоне наступления криминала и надвигающейся волны неоавторитаризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A.Acosta. Maldiciones que amenazan la democracia. — Nueva sociedad, 2010, N 229, p. 42.

² F.Coronil. El Estado mágico. Naturaleza, dinero y modernidad en Venezuela. Caracas, 2002.

³ D.Zovatto. Las instituciones sí que importan. — www.infolatam.com/2010/09/05/

⁴ A.Acosta. Op. cit., p. 44.

⁵ M.Perez-Sotabe. La democracia no está garantizada. — www.infolatam.com/2011/01/30/

⁶ Ecuador: indígenas afirman que Correa perdió legitimidad en referendo. — www.infolatam.com/2011/05/15/

⁷ J.L.Rosha Gómez. Crisis institucional en Nicaragua entre un Estado privatizado y un Estado monarquizado. — Nueva sociedad, 2010, N 228, p. 9—10.

⁸ R.Aguilar. Democracia en América Latina: avances y desafíos. — www.infolatam.com/2011/05/19/

⁹ Цит. по: www.infolatam.com/2011/05/19/

¹⁰ D.Zovatto. Las instituciones sí que importan. — www.infolatam.com/2010/09/05/

¹¹ Цит. по: A.Azapurúa. Informe exorta disminuir desigualdad en Latinoamérica. — www.elnuevoherald.com/2010/09/15/

¹² El cartel de la droga más sanguinario se adueña del Norte de Guatemala. — www.elpais.com/articulo/internacional/cartel/droga/

¹³ Centroamérica: inauguran un centro de seguridad regional contra el crimen organizado. — www.infolatam.com/2011/04/19/

¹⁴ www.elnuevoherald.com/2011/05/10/

¹⁵ www.infolatam.com/2011/05/09/

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ www.infolatam.com/2011/05/09/

¹⁸ Crimen y violencia en Centroamérica: un desafío para el desarrollo. — www.siteresources.worldbank.org

¹⁹ www.infolatam.com/2011/11/27/latinobarometro-2011